

© 2016 г.

Л.П. ЛАПТЕВА

РУССКО-ЧЕШСКИЕ НАУЧНЫЕ СВЯЗИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX века.

По данным переписки ученых

Начало контактов чешских и русских ученых можно датировать концом XVIII в. В 1792 г. Й. Добровский (1754–1829) первый ученый-гуманитарий прибыл в Россию для выяснения наличия в библиотеках и архивах Петербурга и Москвы источников по истории славянских древностей, а также для изучения древнерусских литературных памятников. С 17 августа 1792 г. по 7 января 1793 г. он занимался в библиотеке Петербургской Академии наук и в московских хранилищах. В 1796 г. в Праге он опубликовал “Литературное известие о путешествии Й. Добровского в Швецию и Россию”. Кроме этого отчета ученый оставил сведения о своем путешествии в письмах Ф. Дуриху¹. Что касается литературы о поездке чешского слависта, то можно указать на работы В.А. Францева² и Ф. Кубки³. В новейшее время подробное исследование результатов пребывания Й. Добровского в России осуществлено в фундаментальной монографии, основанной на архивных материалах, ленинградской слависткой Г.Н. Моисеевой “Йосеф Добровский и Россия”⁴.

Русская литература XIX и XX вв. о Добровском и его контактах с Россией весьма значительна. Частично она указана в статье Л.П. Лаптевой “Йосиф Добровский и русское славяноведение в XIX веке”⁵.

Чешский ученый побывал в России на заре развития славяноведения. Конечно, и до XIX в. в нашей стране кое-кто и кое-что знали о существовании славян. Однако эти сведения не были достаточны для отнесения их к категории научных для своего времени. В начале XIX в. в России произошли значительные изменения в области образования. В результате проведенных реформ был дан серьезный импульс для развития гуманитарных наук.

По университетскому уставу 1835 г., в четырех российских университетах были учреждены кафедры истории славянских наречий и литератур. Для замещения этих кафедр нужно было подготовить специалистов по славяноведению, послав наиболее подходящих образованных людей в командировку в славянские страны⁶.

Избранные кандидаты – О.М. Бодянский – от Московского университета, И.И. Срезневский – от Харьковского и В.И. Григорович – от Казанского, уже имели магистерскую

Лаптева Людмила Павловна – доктор исторических наук, заслуженный профессор исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

¹ Korrespondence Josefa Dobrovkého. Díl. I. Vzájemné dopisy Josefa Dobrovkého a Fortunata Duricha z let 1778–1800. V Praze, 1895.

² *Francev V.A.* Cesta J. Dobrovkého a Hr.J. Šternberka do Ruska v letech 1792–1793. V Praze, 1923.

³ *Kubka F.* Dobrovský a Rusko. Praha, 1926.

⁴ *Моисеева Г.Н., Крбец М.М.* Йосеф Добровский и Россия (памятники русской культуры XI–XVIII веков в изучении чешского слависта). Л., 1990.

⁵ *Лаптева Л.П.* Йосиф Добровский и русское славяноведение в XIX веке. – Славяноведение, 2003, № 6, с. 19–32.

⁶ О “подготовительном” этапе развития русского славяноведения см.: *Лаптева Л.П.* История славяноведения в России в XIX в. М., 2005, с. 15–26.

степень. П.И. Прейс, кандидат Петербургского университета, получил образование в Дерптском университете, который, хотя и являлся Императорским Российским учебным заведением, но по языку преподавания, составу профессоров – немецким. Он действовал по особому уставу и представлял собой фактически немецкую науку в Российской империи. Таким образом, П.И. Прейс, не имея магистерской степени, через систему преподавания в Дерптском университете был хорошо знаком с состоянием науки в области филологии, которая в начале XIX в. главенствовала среди гуманитарных дисциплин. Ее основными представителями были немецкие ученые. Упомянутые русские кандидаты, командированные в славянские страны, раньше их не посещали и имели о славянах лишь литературное представление. Контакты с чешской научной средой ограничивались обменом информацией о книгах и сведениями о состоянии славянских изучений. Кроме профессора Московского университета М.П. Погодина, в Чехии с научной целью почти никто не был. Деятели чешского национального возрождения имели о России романтическое представление. Они интересовались проблемой развития национального языка и культуры вообще, а в России, как великой славянской державе, видели потенциального защитника и помощника в борьбе за освобождение всех славян от иностранного ига. Изучение прошлого славян считалось важным фактором в борьбе за национальную свободу. На почве этих умозрительных рассуждений возникли разные варианты так называемой теории славянской взаимности, которую восприняли и приехавшие в Чехию молодые русские ученые.

Каждый из командированных выполнил свою программу и, возвратившись на родину, стал на практике реализовать полученные знания. Пребывание в Чехии имело для них важное значение. Прага тогда являлась центром изучения славян, здесь проживали и работали корифеи славяноведения, у которых русские получали сведения об источниках и литературе, т.е. проходили первоначальную школу подготовки.

Возвратившиеся из командировки русские ученые получили кафедры в пославших их за границу университетах (кроме П.И. Прейса, который скончался в 1846 г.) и стали родоначальниками научного славяноведения в России. Они находились в тесном заочном общении с чешскими учеными, в постоянной переписке, которая велась годами, и, как правило, заканчивалась со смертью одного из адресатов. Эта переписка является драгоценным источником для изучения истории славяноведения вообще, а не только русско-чешских связей. Первое поколение русских славистов передало младшим свой опыт контактов с учеными зарубежных славян, главными из которых были чехи. На основании этой корреспонденции последующие поколения восстановили процесс развития славяноведения в России в первой половине XIX в. и определили его место и значение в науке о славянах в целом.

Чешско-русские научные связи в первой половине XIX в. изучены в фундаментальном труде В.А. Францева “Очерки по истории чешского возрождения”. Заслугой В.А. Францева является также издание им эпистолярного наследия чешских и русских ученых, которое он собирал и изучал большую часть своей жизни. В 1905 г. В.А. Францев издал “Письма к Вячеславу Ганке из славянских земель”⁷, а в конце 20-х годов XX в. вышло его двухтомное издание “Писем П.И. Шафарика к русским ученым”⁸, которое стало источниковой базой для многих работ о чешско-русских научных связях. Значительная часть таких исследований принадлежит самому В.А. Францеву⁹.

⁷ Письма к Вячеславу Ганке из славянских земель. Материалы для истории славянской филологии. Варшава, 1905.

⁸ *Korrespondence Pavla Josefa Šafaříka. Vzájemné dopisy P.J. Šafaříka s ruskými učenici (1825–1861)*, č. I–II. V Praze, 1927–1928.

⁹ Об этом свидетельствует библиография его трудов. См.: *Syllaba T. V.A. France. Bibliografický soupis vědeckých s přehledem jeho činnosti*. Praha, 1977; *Лангева Л.П.* Творчество П.И. Шафарика в освещении русского слависта В.А. Францева. – Павел Йозеф Шафарик (к 200-летию со дня рождения). М., 1995, с. 102–115; *ее же*. В.А. Францев как исследователь творчества Й. Добровского. – Славянский альманах. 1998. М., 1999, с. 98–116; *ее же*. Связи Вацлава Ганки с Россией в освещении В.А. Францева. – Славянский мир в третьем тысячелетии. М., 2011, с. 78–91.

При ограниченности коммуникаций и отсутствии практики коллективных обсуждений научных проблем, контакты ученых в XIX в. выражались, прежде всего, в личных отношениях путем переписки. После своих командировок для изучения славянства первым русским славистам, как правило, больше не удавалось встретиться со своими учителями, друзьями и коллегами за границей. Основным посредником в связях была почта, через которую из Чехии в Россию и обратно посылались книги, сообщения о новинках литературы, о состоянии науки в целом и т.д. В отдельных случаях в корреспонденции обсуждались политические проблемы, но такой информации препятствовала российская и австрийская цензура. Практиковались публикации работ русских славистов в Чехии и чешских – в русских изданиях. В России переводились на русский язык исторические и другие сочинения чешских авторов. Чешская интеллектуальная элита проявляла интерес в основном к русской художественной литературе. Работы русских славистов редко встречались в чешских изданиях.

У русских славистов первого поколения чешские ученые пользовались большим авторитетом. Преподавание славистических дисциплин в российских университетах основывалось на трудах чешских авторов. Предметы, касающиеся славянского языкознания, а также и других отделов филологии, читались “по Добровскому”¹⁰. Славянские древности и этнография преподносились “по Шафарыку”. Сочинения по истории Чехии писались “по Палацкому”, хотя его концепция чешской истории принималась не всеми русскими авторами, а некоторые даже выступали с ее критикой. Однако фактический материал заимствовался из сочинений Ф. Палацкого и историков его школы¹¹.

Русские слависты первого поколения осуществляли переводы на русский язык сочинений чешских исследователей. Так, на русском языке увидели свет некоторые сочинения Й. Добровского. О.М. Бодянский перевел на русский язык главные труды П.Й. Шафарика “Славянские древности” и “Славянская этнография”. На русском языке печатались статьи Ф. Палацкого, переводились сочинения Ф.Л. Ригера, В. Томека и других историков. Несколько раз на русский язык переводились Краледворская и Зеленогорская рукописи (РКЗ) – в стихах и прозе. Вера в их подлинность среди русских славистов была столь высока, что некоторые из них писали исследования об этих “древних” памятниках и получали за свой труд ученую степень магистра. Между прочим, все русские слависты до 60-х годов XIX в. верили в “древность” и “подлинность” сочинений Ганки – т.е. РКЗ¹². Эта вера поддерживалась не только “чувством славянской солидарности”, но и ученым авторитетом Ф. Палацкого и П.Й. Шафарика, которые верили в “подлинность” рукописей, оказавшихся фальшивками, и защищали их “древность” в своих сочинениях. В связи с культом РКЗ самым известным чешским ученым в России был В. Ганка, который кроме сочинения литературных подлогов, активно развивал межславянские связи, в первую очередь с русской интеллектуальной средой. Эти контакты хорошо отражены в издании В.А. Францева “Письма к Вячеславу Ганке из славянских земель”. О популярности В. Ганки в России свидетельствует и литература. Библиография русских сочинений о нем насчитывает более сотни названий.

В вопросе о подложности РКЗ русские слависты долго стояли на консервативных позициях. Даже тогда, когда было доказано позднее происхождение “древних памятников”, в русских сочинениях и пособиях по истории чешской литературы и в XX в.

¹⁰ Лантева Л.П. О влиянии творчества Й. Добровского на развитие славяноведения в России в XIX веке (по данным лекционных курсов российских профессоров). – Josef Dobrovský – Fundator Studiorum Slavicorum. Praha, 2004, s. 459–468.

¹¹ Лантева Л.П. Чешский ученый XIX в. Франтишек Палацкий и его связи с русской наукой. – Славяноведение, 1999, № 2, с. 51–69.

¹² Русская литература об РКЗ охарактеризована в статье: Лантева Л.П. Краледворская и Зеленогорская рукописи и их русские переводы. – Рукописи, которых не было. Подделки в области славянского фольклора. М., 2000, с. 11–253.

продолжались восторженные описания этих “драгоценных доказательств” зрелости славянской культуры. Что касается русских историков, то среди них в XX в. уже не было сомневающихся в подложности этих произведений.

Одним из доказательств уважения к чешской науке было избрание ее представителей почетными и действительными членами научных обществ, а также почетными докторами университетов в России. Также и чешские ученые общества имели среди своих членов в первой половине XIX в. нескольких русских представителей, а с организацией Чешской Академии наук и искусств число ее членов значительно увеличилось и за счет русских ученых.

Особенностью русско-чешских связей, как и вообще развития науки о славянах, в указанный период являлся романтический взгляд на славян в прошлом и вера в славянскую взаимность, как идею объединения родственных славянских народов с целью освобождения от инородного господства и самостоятельного развития. Отсюда – идеализация всего славянского и отрицание неславянского, а у чехов конкретно немецкого.

В первой половине XIX в. происходило становление научного славяноведения в России. Сам предмет понимался как славянская филология. Дифференциация науки о славянах только определялась. Поэтому под славянской филологией понималась и наука о славянском языке, литературе, этнографии, истории, археологии, древностях и т.д. По этой причине профессор славистической кафедры преподавал все эти предметы по программе, определяемой им самим в смысле содержания, но при обязательном сохранении направления обучения и концепции исследования, предписанной государственными органами. Особые предметы не выделялись. Так, история славян как самостоятельный предмет не читалась, а была фоном при освещении истории развития языка и литературы. Та же картина наблюдалась и в освещении других сторон жизни славянских народов. Отсюда происходила определенная бессистемность преподавания. Кто-то основное внимание уделял изучению языков, другой подробно освещал древности, т.е. памятники культуры, фольклор и т.д. В связи с этим первые профессора-слависты должны были быть универсалами, что отражалось на их собственной научной продукции. Обычно мало кто из них имел возможности издать за свой творческий путь больше двух диссертаций, которые были обязательны для занятия должности ординарного профессора. Это обстоятельство в известной степени объясняет относительную бедность специальных сочинений по славяноведению в первой половине XIX в. В университетском преподавании славянская филология не относилась к числу важных предметов. Интерес учащихся к ней был весьма ограничен. Публикации работ по славянской проблеме за неимением специальных журналов и других изданий были редкостью. По сравнению с отечественной и всеобщей историей славяноведение, и как предмет преподавания, и как научная дисциплина в русском образовании и науке занимало второстепенное место и еще требовало значительных усилий для развития. Однако на первом его этапе уже наметились тенденции, отличающиеся от аналогичного процесса в других странах. Если в Чехии научные исследования прошлого были подчинены решению национальных задач – воспитанию национального самосознания народа, и не выходили за рамки своих границ, то в России от начала своего развития эта отрасль знаний была направлена на изучение всех славян и, следовательно, рассматривала их в рамках общеевропейского процесса. Но контакты русских ученых с чешскими имели не только благотворное, но и в некоторых областях, как, например, в изучении чешской истории, решающее влияние. Связи ученых России и Чехии подготовили тот фундамент, на котором впоследствии развивалась русская наука о славянах.

Начало второго этапа в развитии русского славяноведения условно можно датировать 60-ми годами XIX в. Это было время реформ, затронувших все стороны жизни русского общества и частично их изменивших. Самой главной из этих реформ была отмена крепостного права. За ней последовало реформирование некоторых государственных институций и изменения во многих областях общественного бытия.

Ослабела цензура. Уже за пятилетие с 1855 по 1860 г. число периодических изданий увеличилось больше чем вдвое и продолжало расти из года в год. Цензурные послабления способствовали тому, что на страницах газет и журналов стали обсуждаться проблемы, до того закрытые для гласности – актуальные вопросы русской политики и жизни. Пусть робко, но все же определенно формировалось общественное мнение, к которому власти должны были прислушиваться. Реформы 60-х годов XIX в. коснулись системы образования и просвещения. Число российских университетов увеличилось. К прежним шести (Московский, Петербургский, Харьковский, Киевский, Казанский, Дерптский) добавились Новороссийский (открыт в Одессе в 1865 г.) и Варшавский (в 1869 г.). Во всех университетах, кроме Дерптского, существовали кафедры славянской филологии. В Варшавском и Новороссийском университетах функционировали и кафедры славянского права. Все университеты обрели возможность иметь свои печатные органы, чем обеспечивалась публикация научных сочинений, в том числе по славяноведению. В 70-е годы XIX в. возникли также специальные издания, как “Филологические записки” (Воронеж) и “Русский филологический вестник” (Варшава), сборники статей типа “Славянского ежегодника” (Киев). Устав 1863 г. расширил автономию и права университетов. Создавались новые кафедры. Увеличились возможности использования достижений западноевропейской науки, сделавшей большой шаг вперед в развитии языкознания, филологии, истории и вспомогательных исторических дисциплин. Очень важное значение имело то, что новым университетским уставом предписывалась двухгодичная командировка за границу всем лицам, готовившимся к профессорскому званию. Стипендиаты имели возможность посещать славянские страны, работать в архивах и библиотеках Германии, Австрии, Италии и других стран, устанавливать контакты с зарубежными учеными, в том числе и славянскими. Если до 60-х годов XIX в. славянские страны посещали с научной целью лишь немногие русские исследователи, то в пореформенный период практически каждый славист имел возможность изучать язык, литературу, историю славянских народов непосредственно в их среде.

Развитие новой общественной мысли отразилось на том, что, несмотря на цензуру и частые запрещения того или иного издания, на страницах газет и журналов стали обсуждаться проблемы, до того закрытые для гласности. Среди актуальных вопросов был славянский. Интерес к нему стимулировался польским восстанием 1863–1864 гг., а также российским правлением после него в Царстве Польском, в Литве, Белоруссии, на Украине. Обсуждались так называемая “Славянская этнографическая выставка” 1867 г. в Москве, породившая много интерпретаций, восточный кризис 1876 г., русско-турецкая война 1877–1878 гг. и освобождение Болгарии от османского ига.

По всем этим вопросам высказывались мнения представителей разных направлений, и общественная мысль не могла не влиять на развитие славяноведения как науки, но все же прямой связи с возникающими общественными теориями о судьбах славянства и отношением к нему России исторические сочинения этого периода не обнаруживают. Влияние политической обстановки на славяноведение выражается в выборе тематики для исследований (увеличивается число работ по истории южных славян) и в некоторых оценках прошлого славянских народов. Ученые-славяноведы в основном руководствовались новыми открытиями и теориями в области языкознания, философии, истории, археологии и этнографии, развитием источниковой базы этих наук и новыми методами их изучения. Однако в области исторической науки политизация событий и явлений – элемент неизбежный. Уместно вспомнить о том, какие политические страсти потрясли чешское образованное общество по меньшей мере пять десятилетий, когда шла дискуссия о подлинности или подложности РКЗ, при этом представители противоположных лагерей поддерживали свою позицию “научными” аргументами и сочинениями.

Что касается русских славистов второй половины XIX в., то, разумеется, и среди них были сторонники определенных политических концепций. Однако следует отметить, что такого идеологического влияния и политического значения для жизни России

русское славяноведение не имело. Что касается развития славяноведения в России во второй половине XIX в. и дореволюционного периода XX в., то оно сделало большие успехи. Конечно, и среди русских славистов были публицисты и сторонники определенных политических концепций, но в целом научное славяноведение развивалось своим путем. В 60–70-е годы XIX в. происходит смена поколений русских славистов.

Ученики О.М. Бодянского, В.И. Григоровича и И.И. Срезневского выработали под влиянием изменившихся исторических условий иные взгляды на славянство, нежели их учителя. Новое поколение уже не разделяло восторженно-романтического отношения к славянской старине, реалистичнее оценивало современное состояние славян. Не связанные личным знакомством с зарубежными авторитетами, представители нового поколения были более независимы в своих суждениях, чем их предшественники. Центром изучения славян продолжали оставаться университеты России, но в пореформенный период значительно оживился интерес к славянским проблемам у лиц, не связанных непосредственно с университетским преподаванием. Крупные ученые-слависты появились и среди высокопоставленных чиновников, дипломатов, лиц, связанных с разнообразной работой в славянских странах. Наряду с университетами, местами преподавания славяноведческих дисциплин становились в той или иной мере духовные академии, Академия Генерального штаба, Историко-филологический институт князя А.А. Безбородко в Нежине, Главный педагогический институт в Петербурге и другие учебные заведения. В Петербургской духовной академии, например, существовала кафедра истории славянских церквей.

С 90-х годов XIX в. активизировалась работа Отделения русского языка и словесности Российской академии наук (ОРЯС РАН) в области изучения славянских языков и литератур, издания славянских текстов, словарей. Если раньше славистов в этом отделении РАН долго представлял один И.И. Срезневский, то в конце XIX в. действительными членами ОРЯС РАН были избраны слависты В.М. Ламанский, А.Н. Пыпин, а также такие крупные ученые-филологи, как А.А. Шахматов и А.И. Соболевский. ОРЯС имело свои печатные органы – Известия ОРЯС и Сборник ОРЯС, в которых публиковались исследования по разным аспектам славяноведения, рецензии на славянистическую литературу, информация о состоянии славяноведения за рубежом. ОРЯС субсидировало научные экспедиции в славянские страны, а также командировало за границу не только членов академии, но и других ученых, публиковало их монографии. Отделение русского языка и словесности поддерживало широкие контакты с научными учреждениями европейских стран, обменивалось с ними литературой, вело обширную научную переписку. Многие крупные ученые Европы являлись иностранными членами ОРЯС, среди них были и чешские филологи, языковеды и историки. Большинство русских славистов, заявивших о себе серьезными трудами по славяноведению, также были членами-корреспондентами РАН по ОРЯС. Постепенно ОРЯС становилось центром объединения научных сил и исследований по славяноведению. Так, крупнейшим научным событием, организованным ОРЯС в Петербурге в 1903 г., был съезд русских славистов или, как он еще именуется в документах, Предварительный съезд русских филологов-славистов, подведший предварительные итоги развития славяноведения, и, хотя намеченные этим форумом планы не были полностью реализованы по политическим причинам, Предварительный съезд русских филологов-славистов показал высокий уровень науки о славянах, достигнутый за вторую половину XIX в.

Этот уровень не мог быть достигнут без контактов с европейской ученой средой, в которых связи с учеными Чехии занимали одно из главных мест. Прага, центр чешской земли, издавна была известна как центр изучения славянства и лишь в малом уступала Вене. Именно в Праге была сосредоточена основная масса письменных документов, собранных в библиотеке Чешского национального музея, постоянно пополняемая его сотрудниками, сначала во имя реализации идеи славянской взаимности, а позднее во имя славы чешского народа. Чехия была богата научными традициями. Как известно, из рядов ее интеллектуалов вышло немало знаменитых ученых европейского масштаба. К русским исследователям истории славян, славянской филологии и языкознания,

не говоря уже о сюжетах, связанных с культурой, наукой и историей чехов, в чешской среде в основном было благожелательное отношение, что создавало благоприятную психологическую атмосферу по сравнению с чопорной Веной или равнодушным Берлином. Поэтому каждый русский ученый гуманитарной области обязательно посещал Прагу, ее Национальный музей, любовался красотой древнего города, входил в контакт с нужными специалистами и продолжал эти контакты по возвращении в Россию с помощью переписки. В XIX в. Прага была Меккой для каждого русского слависта, который должен был посетить ее хотя бы раз в жизни.

Однако во второй половине XIX в. русские слависты, по сравнению с предшествующим периодом, существенно изменились в качественном отношении. Первые слависты, посланные за границу российским Министерством народного просвещения, обладали весьма скромными сведениями о славянах. Они получали их из скудной литературы и рассказов “путешественников”, т.е. никаких подготовительных мероприятий для них не могло быть проведено. И хотя все первые кандидаты на замещение вновь образованной кафедры истории славянских наречий и литератур были уже магистрами, их диссертации современники не считали большим достижением славистики. Родоначальники русского славяноведения ехали за границу для того, чтобы познакомиться со славянами: изучить их язык, определить их местонахождение, узнать об образе жизни, литературе, культуре, письменных памятниках. Славянским языкам они должны были учиться в славянских же странах.

Ученики первопроходцев русского славяноведения находились в совершенно других условиях. Они прошли обучение языкам в период своей учебы. Гимназии и домашнее воспитание позволяли молодым людям усвоить по меньшей мере два европейских языка – немецкий и французский. Специализируясь по славистической кафедре, молодые люди 60–70-х годов XIX в. получали знания в области славянского и общего языкознания, практически изучали язык на занятиях, писали переводы со славянских языков и выполняли другие задания. Таким образом, подготовка к изучению славяноведения проводилась в студенческие годы, и многие абсолювенты кафедры истории славянских наречий и литератур имели уже печатные труды перед своей стажировкой. Кроме университетских стипендиатов, в Чехию ехали для работы приват-доценты, преподаватели языков. Таким образом, в Чехии в контакт с их учеными вступали уже опытные, образованные люди, владевшие западными языками (не менее двух), знакомые с языками славянскими, с немецкой специальной литературой по языкознанию и вообще с немецкой филологией, передовой в науке того времени, с глубоким знанием результатов отечественного славяноведения во всех его областях. Командировка предназначалась для совершенствования знаний, более глубокого изучения избранной темы. Русские слависты ехали изучать архивные документы, углублять свои знания о культуре народа, его истории, чтобы полученные сведения реализовать в виде диссертаций, книг и других видов научной работы. Они имели самостоятельное представление о славянах, видели их достоинства и недостатки, наблюдая политическую жизнь славянских народов, отвергали романтические теории славянского единства и славянской взаимности и подходили с реалистических позиций к оценке сюжетов, исследовавшихся в их сочинениях.

Первым русским ученым историком, отправившимся за границу с целью усовершенствования, был Н.А. Попов (1833–1891). Он преподавал курс русской истории в Московском университете. В то же время ему было поручено прочитать курс лекций по истории славянских народов, который объявлялся впервые в Московском университете самостоятельным предметом. За два года он объехал Германию и Австрию, долго жил в Берлине и в Праге и интересовался главным образом историей Австрии нового времени. Основное внимание в Чехии он уделял встречам с журналистами, политическими и культурными деятелями, изучал публицистику и периодику и заботился о приобретении литературы по своей теме. Из чешских деятелей русский профессор ближе всего сошелся с А. Патерой, который сыграл весьма существенную роль в комплектовании знаменитой библиотеки Н.А. Попова. В основном Попов интересовал-

ся южными славянами. Ему принадлежит первая в историографии работа по новой истории Сербии – “Россия и Сербия. Исторический очерк русского покровительства Сербии с 1806 по 1856 г.” (М., 1869). Н.А. Попов – историк славянофильского направления. Это был крупный ученый и организатор науки¹³. Он написал также ряд интересных статей по истории чешской культуры. Политические взгляды Попова и чешских ученых не совпадали по многим вопросам. В период его пребывания в Чехии наблюдалась газетная истерия в связи с польским восстанием 1863–1864 гг. Подавляющая часть чешской прессы была на стороне поляков¹⁴, в то время как в России даже либеральные органы печати и деятели не поддерживали польское восстание. Возможно, по этой причине контакты Н.А. Попова в основном ограничивались А. Патерой, который организовывал для русского ученого покупку книг, газет и другой нужной московскому профессору печатной продукции. С другими деятелями чешской науки и культуры русский ученый общался меньше.

Перемены, происшедшие в русском обществе, не были каким-то исключением в развитии Европы во второй половине XIX в. Как известно, революция 1848–1849 гг. серьезно изменила положение различных народов и их отношение друг к другу. В Чехии в результате бурных перемен окончательно утвердилась концепция австро-славизма, которую в том или ином варианте разделяли все политические структуры общества.

Русофильство стало уходить в прошлое, тем более что его яркие представители – Й. Юнгманн, Ф.Л. Челаковский, В. Ганка – уже покинули земное поприще. Наступило разочарование в России как славянской державе, способной помочь угнетенным славянам в их освобождении от иноземного ига. Разочарование переросло в русофобию, о чем свидетельствует отношение чешского общественного мнения, поддерживавшего польское восстание 1863 г. против России. Эти настроения отразились на русско-чешских научных контактах. В отличие от первой половины XIX в., когда чешские ученые любезно принимали молодых русских славистов, помогали им в их работе, активно интересовались научной русской продукцией, создавая библиотеки из русских книг, с 60-х годов XIX в. этот интерес угас. По воспоминаниям русских ученых, побывавших в Праге, теперь трудно было добиться “аудиенции” у Ф. Палацкокого или П.И. Шафарика, погас интерес к русской науке и литературе, которые, впрочем, почти никто и не знал, так как чехи Россию не посещали, а библиотеки Ганки, Юнгманна и других адептов “славянской взаимности” стремились подороже продать в Россию. Таким образом, потомки “возрожденцев” предпочитали другие ценности. Оберегая национальный дух своего политического и материального бытия, чешская интеллигенция ревниво защищала свои научные и культурные достижения с агрессивной нетолерантностью.

Красочно описывает свои впечатления о пребывании в Праге русский ученый, написавший ряд работ о чешской литературе и культуре, А.Н. Пыпин (1833–1904)¹⁵. В 1858 г. он отправился в командировку за границу на два года для приготовления к профессорскому званию по русской словесности. В письме к В.И. Ламанскому 7/19 декабря 1858 г. из Праги он писал: “Я уже второй месяц в Праге, ко многому присмотрелся, видел много любопытных людей, интересные вещи. Вообще все это взятое вместе довольно печально. Я ожидал найти больше в Праге, думал найти живое движение, хотя и сдавленное, но, как мне кажется, по крайней мере до сих пор этого живого движения очень мало, люди разъединены, серьезного труда нет, всякой решительной, даже просто несколько смелой попытки выразить свою мысль боятся

¹³ О Н.А. Попове см., например: *Никитин С.А.* Славянские комитеты в России в 1858–1876 гг. М., 1960; *Воробьева И.Г.* Профессор-славист Нил Александрович Попов. Тверь, 1999; *Лантева Л.П.* История славяноведения в России в XIX в.

¹⁴ Об этом см.: *Шевченко К.* Польское восстание 1863 г. в чешском общественном мнении. – Русский сборник. Исследования по истории России. Т. XV. Польское восстание 1863 г. М., 2013, с. 344–367.

¹⁵ *Лантева Л.П.* История славяноведения в России в XIX в., с. 431–467.

и отдаются на произвол своих надсмотрщиков”. А.Н. Пыпин заметил среди деятелей чешского движения разрозненность, интриги, “грызню” по поводу подлинности или поддельности РКЗ. “Молодежь далека от стариков и не совсем их любит, старики держатся особняком от молодежи”, – извещал он своего приятеля¹⁶. Шокирующее впечатление произвела на молодого русского ученого его встреча с П.Й. Шафариком и Ф. Палацким. “У Шафарика я был два раза, но его прием такой, что называется сдержанный, что нет охоты ходить к нему чаще, – хотя бы это было очень поучительно быть может”, – замечает А.Н. Пыпин.

А в письме от 29 января 1859 г. Пыпин сообщал другу: “Другой мой визит был к Шафарику. Его ученые заслуги уважаю... и поторопился увидеть знаменитого человека, это, без сомнения, человек очень обширного ума и сведений, разговор его очень назидательный, но он играет такую недоступную фигуру, что я с трудом заставил себя пойти к нему во второй раз, он был столько же сух. Я надеялся от него больше любезности, тем больше, что с моей стороны изъявил ему свое уважение, приславши ему книгу... о чем он только кстати вспомнил. Разумеется, после двух визитов я оставил его в покое”. Что касается Ф. Палацкого, то Пыпин поделился с Ламанским таким впечатлением: “Утин, с которым я был первое время в Праге, отправился к Палацкому и вынес от него подобное впечатление. Это, признаюсь, замедлило мой визит, я вовсе не был намерен заниматься идолопоклонством и ходить свидетельствовать свое почтение деревянным господам”¹⁷.

Очень любопытным с этой точки зрения представляется впечатление кандидата Е. Фортунатова. 5/17 ноября 1863 г. он писал: “На днях вернулся я в Прагу после путешествия своего по восточной и северной Чехии. Целью моей поездки было ознакомление не столько с простым народом, сколько со средним классом населения небольших чешских городов. К нему принадлежат кроме чиновников и офицеров купцы, ремесленники, адвокаты, врачи, учителя и пр. Военные стоят вне чешского общества, принадлежа без различия национальностей к кружку немцев. Между чиновниками немногие решаются пристать к народному табору, даром такая смелость редко обходится. Напротив того купцы, духовные в последние три года, за немногими исключениями, бросили немцев и ушли под славянское знамя. Немецкая партия теперь очень уже слаба в большинстве окружных и уездных (по-чешски крайских и окресных) городов Чехии. Разумеется, при этом нельзя принимать в расчет города, лежащие в давно понемеченных частях Богемии”. Далее автор сообщает: «Благодаря всеобщей грамотности национальная чешская литература, особливо журналистика, проникла не только во все местечки, но и в деревни. Мало можно насчитать больших деревень, где бы не нашлись у нескольких обывателей “Narodní listy“, “Hlas“ и даже “Humoristicke Listy“, в городах чтение политических газет составляет насущную потребность каждого. Не те уже стали чехи, что были 20 лет тому назад, когда соседи называли их народом филологов. А теперь между ними почти нет филологов, как недавно заметил мне один прагский лексикограф. Влияние периодической литературы на настроение и на образ мыслей здешнего общества огромное. Особенно это заметно по нынешним суждениям чехов о русских и поляках. Нельзя сказать, чтобы решительных сторонников польского восстания среди читающей чешской публики было больше, чем людей, не одобряющих этого дела. Но первые тверже, смелее в заявлениях своих взглядов и симпатий; они импонируют. Известный ответ Ригера г. Гильфердингу и ответ Палацкого чешской газете “Болеслован” ободрили друзей России и умили несколько антирусские филиппики “Народных листов” и “Гласа”, да в сущности-то дело от этого не переменилось. Самая популярность Ригера и Палацкого немного пострадала от упомянутых статей их. Только еженедельник Белака “Посол из Праги” держится более объективного взгляда на польское дело, но он выходит еще очень недавно и никак не может иметь той силы, как газеты ежедневные». “Чешские брошюры, защищавшие

¹⁶ Документы к истории славяноведения в России (1850–1912). М. – Л., 1948, с. 21.

¹⁷ Там же, с. 24.

Россию, только вредили своему делу”, – пишет далее Фортунатов: “Во-первых, авторы их не совсем годились к публицистике, а главное, так же точно мало знали Россию и Польшу, как их противники. Вообще, чехи обращают теперь более внимания на Запад. Особенно симпатия, даже благоговение перед великой нацией французов растет здесь не по дням, а по часам. Газеты чешские наполнены панегириками благодетельной политике Наполеона III, великой идее бонапартизма, призывают к французской оппозиции, чтобы она забыла свои анти-императорские тенденции”. Таковы были впечатления русских ученых-путешественников о чешском обществе и его отношении к России в 60-х годах XIX в.

Но интересы науки для русских славистов были выше русофобства определенных кругов интеллигенции. Во второй половине XIX в. русские слависты активно посещали Прагу с научными задачами. Правда, они уже не могли рассчитывать на дружелюбие и сердечный прием, как это было в прошлом. Так, в неловкое положение попал русский славист А.Л. Дювернуа (1838–1886)¹⁸, лингвист, сторонник сравнительного метода языковых исследований. Молодой ученый владел всеми славянскими языками, а также греческим, латинским, литовским, арабским, читал тексты на санскрите, говорил на новых западных языках. Он преподавал в Московском университете церковнославянский и новые славянские языки, а также и славянские литературы. Молодой магистр готовился занять в университете открытую в 1867 г. кафедру сравнительного языкознания индоевропейских языков.

Однако в 1868 г. в Московском университете в связи с уходом в отставку проф. О.М. Бодянского освободилась кафедра истории и литературы славянских наречий. А.Л. Дювернуа был назначен на его место, что и привело к повороту в направлении научной деятельности доцента. Ученый заинтересовался историей славян, особенно историей Чехии XV в., и получил научную командировку в Прагу в летнее вакационное время 1870 г. Результатом его работы стала книга “Станислав Зноемский и Ян Гус”¹⁹, которую он предложил в качестве докторской диссертации. Но работа не была допущена к публичной защите ввиду протеста славянофильствующей профессуры Московского университета из-за того, что ее автор не признавал наличие православного элемента ни в деятельности Гуса, ни гуситского движения в целом. А.Л. Дювернуа действительно был противником славянофильства, человеком независимого образа мыслей, не признававшего в науке никаких авторитетов. Книга получила разгромную рецензию, написанную славянофилом А.А. Майковым и опубликованную в славянофильском журнале²⁰.

Чехи же в своих рецензиях на книгу “Станислав Зноемский и Ян Гус”, не приводя никаких научных аргументов, назвали книгу “памфлетом” и выражали удивление, что русский славянин “без причины бросает грязью в лицо своего брата чеха, наносит ему обиды, какие можно было бы ожидать только от немца, по злой привычке ненавидящего все славянское”. Чехи сожалели, что дали Дювернуа возможность заниматься в пражских архивах, поскольку результатом этих “будто бы глубоко ученых исследований” явилась коллекция фраз, собранных по всем уголкам литературного гуситизма в неприязненном Гусу смысле, между тем как, с другой стороны, имеется целый ряд ученых, которые давно уже доказали основательным образом ложность выводов ан-

¹⁸ Лантева Л.П. Славяноведение в России в XIX в. с. 241–256.

¹⁹ Дювернуа А.Л. Станислав Зноемский и Ян Гус. М., 1871.

²⁰ *Без указания автора*. Станислав Зноемский и Ян Гус. Соч. А. Дювернуа. – Беседа, 1871, № 12, с. 1–28 (библиограф. отдел).

В таком же духе, как “Беседа”, откликнулся на книгу А.Л. Дювернуа выходящий в Праге на русском и чешском языках журнал “Славянский мир”: *Без указания автора*. Русский памфлет о Гусе и чехах гуситского времени. – Славянский мир, 1872, № 1, с. 30–36. Там же был помещен в русском переводе текст заметки “Русский последователь Гёфлера” из чешской газеты “Рокрок”. Автор призывал чехов научиться разбираться в людях и не оказывать им никакого внимания потому только, что они русские или выдают себя за русских.

тигуситов (по большей части немцев)”. Чехи называли А.Л. Дювернуа эпигоном немецкого историка К. Гёфлера, считали, что русский славист в своих нападках на Гуса превзошел даже католиков, подчеркивали, что Дювернуа – несмотря на его православие – происходит из чисто католической семьи²¹.

Концепция чешской истории, выработанная Ф. Палацким и его школой, постепенно уходила в прошлое, уступая место позитивизму. Процесс перехода был сложным и неоднозначным не только для представителей нового поколения, но и для сторонников прежних взглядов. Новое и старое еще долго существовали совместно, что отражалось и на творчестве русских ученых, соприкасавшихся с чешской научной средой. Родоначальником новой чешской историографии был Я. Голл (1846–1929), профессор всеобщей истории Пражского университета. Он теоретически обосновал закономерность нового направления в изучении истории и необходимость изучения чешской истории как части истории европейской (а не как части славянского мира, по мнению романтиков). Я. Голл воспитал большую школу учеников, которые составили основу чешской исторической науки вплоть до конца 30-х годов XX в. и внесли большой вклад как в изучение отечественной истории, так и общеевропейской²².

Русские историки, приезжавшие в Прагу для изучения истории Чехии, хорошо были знакомы с новым историческим направлением – позитивизмом. Усвоив некоторые стороны метода исследования, русские историки-слависты умели разыскивать и анализировать источники сравнительным методом, критиковали концепции романтического направления, но интересовались главным образом идейными направлениями в истории средневековой церкви, исследовали историю церкви вообще, яркие эпизоды национальной борьбы и культуры, игнорируя тематику социально-экономического плана и эпоху новой истории, не говоря уж о современности. Во многих сочинениях чувствуются определенные отголоски славянофильства. Русские слависты разыскивали архивные документы и изучали литературу по многим проблемам. Но особенно популярно у русских ученых было гуситское движение и его главные представители. Как известно, в России создана большая литература по истории гуситского движения²³, а источниковая база отсутствует, так что каждый гуситолог должен был проводить исследования, так сказать, на месте действия. Значительный интерес русских историков-богемистов вызвала деятельность П. Хельчицкого и Общины Чешских Братьев (ОЧБ). Русские историки внесли свой скромный вклад в изучение проблемы, связанной с дискуссией об РКЗ.

Русские исследователи интересовались творчеством и личностью Я.А. Коменского. Этот сюжет был популярен в связи со школьной реформой в России, проводившейся с 60-х годов XIX в. Педагогическое наследие Я.А. Коменского представлялось актуальной темой и исследовалось подробно. Большое внимание уделялось чешскому национальному возрождению. Благодаря тесным контактам профессора Варшавского университета В.А. Францева был создан труд эпохального значения “Очерки по истории чешского возрождения”. Публикации источников по этой проблематике обеспечили научную базу для изучения большого и очень важного периода истории и духовной жизни чешского народа. Изучалось также чешское право, хотя предмет славянское право не был в России особенно популярен. Зато много филологов, а также историков интересовались чешской литературой и создали немало интересных сочинений и переводов как чешской поэзии, так и прозы на русский язык. Многие интересовались европейской политикой вообще и историей Австрии в целом. К таковым

²¹ А.Л. Дювернуа был сыном француза, воевавшего против России в армии Наполеона. Отец его попал в плен и остался в России, где принял православие и женился на русской. Именно на это намекали чешские оппоненты А.Л. Дювернуа.

²² Подробнее см.: *Štaif J. Historici, dějiny a společnost. Historiografie v českých zemích od Palackého a jeho předchůdců po Gollovu školu, 1790–1900, č. I–II. Praha, 1997.*

²³ *Лантева Л.П. Русская историография гуситского движения (40-е годы XIX в. – 1917 г.) М., 1978.*

можно отнести А.Н. Пыпина и известного историка Н.И. Кареева. Но в большинстве случаев свои командировки проводили в Праге лица, связанные с изучением славян, с преподаванием славяноведения – славянских языков, литератур, истории – в первую очередь духовной жизни чешского народа. Специалисты по языкознанию обычно проходили теоретический курс в Германии, посещая в разных университетах лекции и семинары известных немецких языковедов, изучая их специальные сочинения и входя в контакты с ними. Затем они ехали в Прагу и применяли свои теоретические знания для изучения чешского и других славянских языков. Историки-богемисты также часто свои командировки начинали с немецких университетов, знакомились с методами исторического исследования, штудировали вспомогательные исторические дисциплины в крупнейших научных центрах, в библиотеках и архивах. Главной же их задачей было самостоятельное изучение источниковой базы избранной темы исследований в чешских архивах и библиотеках.

Таким образом, подготовка квалифицированных кадров для российских университетов осуществлялась благодаря контактам с европейской наукой, а в области славяноведения, прежде всего (а иногда и исключительно), с чешской научной средой.

Русские ученые, выбрав ту или иную область богемистики для своей научной деятельности, как правило, продолжали ее исследовать и далее. Результаты этих исследований проявлялись в лекциях студентам, публикациях книг и статей. Так, профессор Новороссийского университета А.А. Кочубинский (1845–1907)²⁴, являясь “славистом-универсалом”, – т.е. исследовал и преподавал языковедение, филологические и исторические дисциплины, – несколько раз командировался за границу. Начиная с 1872 г. он работал в Праге над материалами для магистерской диссертации, которую защитил в 1873 г. По возвращении из-за границы в 1877 г., А.А. Кочубинский защитил докторскую диссертацию о “Взаимных отношениях славянских наречий”, для подготовки которой также занимался в Праге литовским и прусским языками под руководством профессора Пражского университета А. Лудвига. В области истории славян ученый занимался преимущественно историей Чехии. Его первой работой по этой проблеме была магистерская диссертация “Братья-подобой и чешские католики в начале XVII в.”²⁵ Исследование основано на большом количестве источников. Как отмечал чешский рецензент того времени, русский историк использовал (за редким исключением) весь доступный материал.

С большой пользой для науки много лет работал в архивах и библиотеках Чехии и Моравии Ю.С. Анненков (1849–1885), ученик профессора Петербургского университета В.И. Ламанского. Прожив всего 36 лет, он и за этот короткий срок успел внести такой вклад в науку, что его имя вошло почти во все энциклопедические словари XIX – начала XX в.²⁶ Ю.С. Анненков родился в Петербурге в семье инженера, происходившего из курских дворян. Мать его была француженкой. Будущий ученый получил хорошее домашнее воспитание, затем окончил гимназию и историко-филологический факультет Петербургского университета и был рекомендован для подготовки к профессорскому званию. Со студенческих лет он занимался славянской филологией и историей, и на четвертом курсе университета написал работу “Ян Гус. Обзор его чешских сочинений”. По окончании университета Анненков стал преподавать русский язык и литературу в разных учебных заведениях, но как только наступали каникулы, он спешил в Прагу, где усердно работал в архивах, читая чешские и латинские рукописи XV–XVII вв., полностью переписывая некоторые из них. В Праге он побывал 8 раз и, как вспоминал его коллега А. Патера, «за свой скромный и приветливый характер снискал себе здесь много друзей и знакомых. По-чешски он говорил и писал в основном правильно и быстро, доказательством чего является его статья “Выписки из Парижской рукописи Штитного и Хельчицкого”, которая напечатана почти в том

²⁴ Лантева Л.П. Славяноведение в России в XIX в., с. 767–790.

²⁵ Кочубинский А.А. Братья-подобой и чешские католики в начале XVII в. Одесса, 1873.

²⁶ Лантева Л.П. Славяноведение в России в XIX в., с. 378–384.

же виде, как сочинил ее Ю.С. Анненков»²⁷. Результатом разысканий Анненкова явился ряд его статей в чешских и русских журналах. Лучшими сочинениями Анненкова являются его работы о П. Хельчицком. Ученый подготовил большой труд о нем. Для изучения сочинений чешского мыслителя XV в. он ездил не только в Прагу, но и в Оломоуц, и в Париж, где обнаружил, что кроме двух уже известных сочинений Хельчицкого, имеется еще и третье, которое он переписал и опубликовал. Особенно же успешными оказались поиски рукописей Хельчицкого в Пражской архиепископской библиотеке. Здесь в рукописи второй половины XV в. были обнаружены несколько сочинений Хельчицкого, до того неизвестных. Поиск документов Анненков осуществлял в тесном сотрудничестве с А. Патерой, который указывал на возможность наличия источников в том или ином фонде и помогал в прочтении текста. Некоторые статьи ученые опубликовали совместно, причем анализ рукописей, определение их авторства путем сравнения языка анонимных произведений с языками трудов, безусловно принадлежащих Хельчицкому, осуществлял Анненков. Об этом свидетельствует переписка ученых, хранящаяся в фонде А. Патеры в Литературном архиве памятников национальной письменности в Праге (LAPNP), а также некролог Анненкова, составленный А. Патерой. Исследования Анненкова стали существенным вкладом в изучение литературной деятельности Хельчицкого. Первым в России он начал штудировать главное сочинение чешского мыслителя – “Сеть веры” и решил опубликовать этот трактат, в новое время еще не печатавшийся. Чешский текст Анненков отпечатал полностью, поместив в конце подробное изложение содержания “Сети веры” на русском языке. Но издание сочинения Хельчицкого Анненкову не позволила закончить его смерть. Трактат был опубликован лишь в 1893 г.²⁸ Анненков был ученым, который строил свои исследования на основании критического изучения источников. Он был представителем нового поколения учеников Ламанского, отошедших от славянофильских увлечений учителя и внесших весомый вклад в развитие русской историографии о чешском средневековье.

Изучением творчества П. Хельчицкого занимался и Н.В. Ястребов (1869–1923)²⁹. Он жил в эпоху, когда в русском славяноведении произошли серьезные качественные изменения. Прежде всего, история славян окончательно определилась как самостоятельная наука и предмет университетского образования, а славяноведение превратилось в комплекс дифференцированных наук, включающих славянское языкознание, литературоведение, историю и вспомогательные исторические дисциплины. Исчезли так называемые “славянские древности”, появилась в рамках соответствующих дисциплин историография и источниковедение. В большинстве из перечисленных областей славяноведения заметен значительный прогресс в методах изучения и подходов к процессу развития гуманитарных наук. Выражением этих изменений была подготовка специалистов-профессионалов в отдельной области науки о славянах вместо “универсалов” во всех дисциплинах. Ястребов стал таким профессионалом в области истории. Вместе с тем он был ученым нового типа, крупнейшим исследователем славянской истории, внесшим и в преподавание предмета много новых элементов. Н.В. Ястребов был сыном бедного священника и получал образование в духовных заведениях. Но в 1891 г. он перешел на филологический факультет Петербургского университета. Исключительные способности, трудолюбие и энергия позволили ему блестяще закончить университет в 1895 г. и стать стипендиатом для прохождения подготовки к профессуре специально по истории славян. По совету В.И. Ламанского его ученик занялся историей гуситского движения в Чехии, особенно его идейной стороной. Предметом

²⁷ Časopis Musea Království Českého, 1882, № 56, s. 270–283.

²⁸ Сочинения Петра Хельчицкого. I. Сеть веры. II. Реплика против Бискупца. Труд Ю.С. Анненкова. Окончил по поручению отделения Русского языка и словесности ординарный академик И.В. Ягич. СПб., 1893.

²⁹ Лантева Л.П. История славяноведения в России в конце XIX – первой трети XX в. М., 2012, с. 217–261.

исследования для своей магистерской диссертации Ястребов избрал историю ОЧБ. К выполнению этой задачи он был хорошо подготовлен. Еще в духовной семинарии он овладел греческим, латинским и еврейским языками, в духовной академии получил специальное богословско-философское образование, знал французский и немецкий языки. В 1900 г. Ястребов был командирован за границу сроком на два года как кандидат на замещение предполагаемой новой “кафедры истории славянских народов” в Петербургском университете. Командировку свою магистрант начал в Вене, где в университете прослушал лекции профессора И.В. Ягича по славянской палеографии, проф. К. Иречка – общий курс по истории народов Балканского полуострова, и занимался в семинарах этих профессоров. В Вене Н.В. Ястребов слушал курс проф. Редлиха об источниках и участвовал в семинарских занятиях по истории дипломатии. В течение всего периода пребывания в Вене Ястребов работал в Институте австрийских исторических исследований, изучал латинскую палеографию и историю дипломатии, а также греческую палеографию и хронологию. После года занятий в Венском университете Ястребов прибыл в Мюнхен, где под руководством знаменитого ученого К. Крумбаха изучал сочинения византийских писателей и участвовал в семинарах “известного византиниста”. Таким образом, в австрийской столице Ястребов получил такую подготовку, которую, по его мнению, получали в России даже не все специалисты по всеобщей истории. В середине мая 1901 г. русский ученый прибыл в Прагу, где работал около года, уделяя основное внимание сбору материала для магистерской диссертации по истории ОЧБ. Среди чешских ученых существует тенденция объявлять всех крупных русских ученых, когда-либо занимавшихся чешской историей, учениками чешских профессоров. Это льстит чешскому национальному самолюбию и возвышает их в собственных глазах. Нет сомнения в том, что Ястребов получил огромную пользу от общения с чешскими учеными, но все же он был воспитанником Петербургского университета, а научную подготовку получил прежде всего в Вене, школу которой прошли и многие чешские ученые³⁰.

Стремление Ястребова понять и объяснить происхождение ОЧБ заставило его искать и изучать и “братскую” литературу, и полемические сочинения против нее в библиотеках и архивах Праги, Брно и Оломоуца. Так, в музее чешского королевства он изучал фолианты Гернгутского братского архива (по копиям), просматривал документы в Земском и Городском пражских архивах. Читал и переписывал трактаты Хельчицкого. В библиотеке Святовитской капитулы ученый обнаружил трактат “О происхождении Общины Чешских Братьев” (“О povodu jednoty bratske”), переписал и исследовал его, и пришел к выводу, что перед ним сочинение XVI в., написанное Я. Благославом, считавшееся утерянным³¹. Углубившись в историю гусизма, ученый пришел к выводу, что учение ОЧБ нельзя объяснить без анализа творчества ее духовных отцов – Хельчицкого и Рокицаны. Он сосредоточился на произведениях Хельчицкого. Результатом было открытие новых произведений мыслителя, что оказалось возможным благодаря выяснению особенностей различных редакций и списков ряда рукописей и внутреннего анализа текста.

Молодой русский славист работал в пражских архивах и библиотеках с большим усердием и самоотверженностью. К. Крофта вспоминал, как Ястребов целые дни просиживал в Земском архиве над гуситскими рукописями, полученными для него из других хранилищ. Уже в этот период Ястребов установил дружеские отношения со многими чешскими учеными – профессорами университета в Праге, архивными работниками и другими представителями чешской научной интеллигенции. Чешские ученые помогали ему, не только давая консультации, но и участвуя в разыскании рукописей, организуя их доставку в Прагу из других городов Чехии, а также из Вены и даже из Италии.

³⁰ Ястребов Н. Отчет о командировке за период с 1-го октября 1900 по 1 октября 1901 г. – Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук, 1902, т. 71, с. 77.

³¹ Там же, с. 76–77.

Научная командировка Ястребова окончилась 1 июля 1902 г. Уезжая в Россию, он уже подготовил к печати несколько глав своей диссертации, но окончание работы затянулось, и лишь в 1908 г. за книгу “Этюды о Петре Хельчицком” он получил степень магистра славянской филологии. Работа явилась серьезным вкладом в науку, что было признано единодушно русской и чешской критикой. “Этюды” не являются единственным трудом такого значения. Ястребов написал еще целый ряд статей, важных для европейской гуситологии. В целом следует подчеркнуть, что научные успехи Ястребова в области изучения истории Чехии были невозможны без контактов с чешскими учеными, прежде всего, с представителями Пражского университета, без чешских архивов и библиотек, и помощи их сотрудников. Понятно, что контакты были особенно интенсивными во время пребывания Ястребова в Чехии, но и, находясь на родине, Ястребов не прерывал установившихся связей, поддерживая их корреспонденцией. Наиболее интенсивно велась переписка с чешским историком Й. Пекаржем.

В их переписке обсуждались научные вопросы, новые книги и политические события, по поводу которых Ястребов всегда высказывался осторожно. Он принадлежал к либеральной интеллигенции в России и одно время был даже членом партии конституционных демократов, но потом из нее вышел. Хорошие отношения сложились у Ястребова с директором Пражского городского архива Я. Челаковским. Он был знаком с Т.Г. Масариком. Русского ученого интересовала политическая деятельность Т.Г. Масарика, его публицистика и отношение к России. В 1906 г. в Петербурге вышли на русском языке две главы из книги Т.Г. Масарика под названием “Революция или эволюция” и “Марксизм и парламентаризм”. Редакция перевода и дополнение указанной литературы в обеих главах были осуществлены Ястребовым. Он имел тесные контакты с сотрудниками библиотеки Пражского университета, прежде всего, с доктором Зд. Тоболкой.

Русский ученый обменивался книгами с Чешской академией Франца Йосифа. Он переписывался с профессором славянской филологии Пражского университета Й. Поливкой. Ястребов способствовал развитию чешско-русских связей и устройству различных научных дел для некоторых чехов. Своей деятельностью в России и вообще в политической жизни Европы в период Первой мировой войны он оказал неоценимую услугу чешскому движению за независимость. Большое значение имела информация русской общественности о научной и культурной жизни Чехии, которую ученый осуществлял, публикуя в разных журналах рецензии на сочинения по чешской истории, обзоры чешских научных журналов, статьи о Чешской академии. Научные связи Ястребова имели большое значение для воспитания славистов не только в Петербургском университете. Ястребов поставил изучение славянской истории на новый, европейский уровень. Широкие контакты с чешскими учеными и научными организациями позволяли профессору быть в курсе новых достижений в области истории. Он мог организовать семинары, где велись практические занятия по изучению источников. Все эти мероприятия поставили преподавание истории славян на тот уровень, который был характерен для преподавания всеобщей истории и истории России в Петербургском университете. В области исследования чешской истории Ястребову принадлежит лучшее из того, что было создано в русской дореволюционной историографии. Октябрьскую революцию он не принял и эмигрировал в Чехословакию, где умер в 1923 г.

Гуситским движением в Чехии и историей ОЧБ интересовался и И.С. Пальмов (1856–1920)³². Он был сыном сельского священника в Рязанской губернии, окончил Рязанскую духовную семинарию, затем Петербургскую духовную академию со степенью кандидата-магистранта. Был оставлен при академии для подготовки к замещению только что учрежденной кафедры истории славянских церквей. В рамках этой подготовки Пальмов был направлен на историко-филологический факультет Петербургского университета, где год работал под руководством В.И. Ламанского. В 1881 г. он защитил магистерскую диссертацию “Вопрос о чаше в гуситском движении” и был на три года командирован за границу для изучения истории славянских церквей. Зна-

³² Лантева Л.П. Славяноведение в России в XIX веке, с. 406–431.

чительную часть времени Пальмов провел в Праге, изучал источники и литературу в библиотеках и архивах Брно и Оломоуца, а также в большом числе других городов Турции, Греции, Австрии.

По возвращении из командировки Пальмов читал лекции на кафедре истории славянских церквей, а в 1888 г. стал экстраординарным профессором Петербургской духовной академии. В конце XIX – начале XX в. он работал над докторской диссертацией по истории ОЧБ, много раз посещал Прагу. В Праге он закончил докторскую диссертацию и издал ее в 1904 г. под названием “Чешские братья в своих конфессиях до начала сближения их с протестантами в конце первой четверти XVI столетия” (т. I. ч. 1–2. Прага, 1904). По защите диссертации он получил степень доктора и звание ординарного профессора духовной академии. Прагу Пальмов посещал еще в 1907, 1909 и 1910 гг. Летом 1914 г. он в последний раз побывал в чешской столице. В Праге он нашел материал для своей магистерской диссертации. В Чешском народном музее он прочитал в подлиннике рукописи сочинений предшественников Я. Гуса – Я. Милича и Матея из Янова, а также Я. Рокицаны и антиреформационные трактаты. В рукописном отделе Чешского музея он изучил трактаты уtrakвистов, ОЧБ и другие материалы, в библиотеке Пражского университета исследовал рукописи гуситского периода. Всего И.С. Пальмов перечисляет в своем отчете 16 рукописей, причем большинство из них книги объемом от 100 до 400 листов. Результаты архивных и библиотечных исследований Пальмова выразились в большом количестве его чрезвычайно ценных работ. Фундаментальными трудами являются его магистерская и докторская диссертации, посвященные идеологии гусизма и после гуситской эпохи. Работы Пальмова были широко известны в России и в других славянских странах. Ученый принадлежал к числу лучших знатоков современного славянства. В 1916 г. он был избран действительным членом РАН по ОРЯС. Он также был членом Чешской Академии наук и искусств и членом различных ученых обществ.

Крупнейший знаток истории и современного положения славян, И.С. Пальмов подходил к славянскому вопросу со славянофильских позиций: он верил в объединение всех славян, но был толерантен в религиозном вопросе и никогда не навязывал православия другим. В некоторых своих сочинениях ученый защищал одну из основных идей славянофильской философской школы – об исконной и вечной непримиримости греко-славянского и германо-романского миров. С другой стороны, Пальмов не всегда последовательно проводил славянофильские идеи. Там, где показания источников противоречили убеждениям ученого, он был объективным, особенно это касается его главных сочинений – о гуситском движении и ОЧБ. Таким образом, творчество Пальмова представляет собой некую среднюю линию между его субъективным славянофильством и объективными достижениями исторической науки. Заслуга И.С. Пальмова заключается, прежде всего, в сборе огромного материала, в установлении фактов, в скрупулезном их разыскании и детальной проверке по всем дошедшим источникам. Но Пальмов был осторожен в выводах, избегал гипотез. Кроме того, ему присуща архаическая, характерная в основном для XIX в. методика, тогда как в XX в. развились уже новые методы, более передовые, отличающиеся глубиной источниковедческого анализа материала. В политическом отношении Пальмов представлял собой человека весьма консервативного.

Противоположного мировоззрения и отношения к славянам придерживался профессор Варшавского университета Ф.Ф. Зигель (1845–1921)³³. Он изучал историю

³³ Литература о Ф.Ф. Зигеле до последних лет почти отсутствовала, так как кафедра истории славянских законодательств в России существовала только в Варшавском университете, и Зигель не имел широких контактов с русскими учеными. Подробнее см.: *Лантева Л.П.* Контакты Ф. Зигеля с чешскими учеными (по данным переписки). – Проблемы славяноведения, вып. 6. Брянск, 2004, с. 96–103; *её же.* К вопросу о русско-чешских научных контактах в конце XIX – начале XX в. Ф.Ф. Зигель (1845–1921) и Я. Челаковский (1846–1914). – *Prospice sed respice.* Проблемы славяноведения и медиевистики. СПб., 2009, с. 252–278; *её же.* История славяноведения в России в конце XIX – первой трети XX в., с. 375–425.

славянского права – предмет непопулярный. Некоторые ученые, преимущественно немецкие, да и французские, считали, что правовое устройство западных славян является производным от немецких правовых институтов и норм, а южных – от византийских. Сторонников мнения о том, что до утраты политической независимости славяне жили по юридическим нормам, присущим только им, в европейской науке было мало. В России их представлял Ф.Ф. Зигель. Он родился в Новгородской губернии в семье врача. Семья была немецкой по происхождению, и, хотя и православная, все же придерживалась немецких традиций. Будущий ученый окончил немецкое училище в Петербурге и поступил в Петербургский университет на юридический факультет. Одновременно с юридическими дисциплинами он слушал лекции проф. Ламанского по славяноведению, изучал славянские языки. По окончании университета его оставили для приготовления к профессорскому званию по кафедре гражданского права, в 1873 г. командировали за границу для изучения истории славянских законодательств. В том же году он стал доцентом Варшавского университета по кафедре истории славянских законодательств, где и проработал 47 лет, включая и четырехлетнее проживание в Ростове-на-Дону, куда переехал Варшавский университет в годы Первой мировой войны. Ф.Ф. Зигель часто выезжал в командировки в разные страны Европы, особенно в славянские страны, побывал и в США. Во время своих заграничных поездок он установил широкие связи с европейскими учеными. Стоит отметить, что материалы личного архива ученого сохранились плохо. В чешских архивохранилищах есть материалы, свидетельствующие о плодотворном сотрудничестве Ф.Ф. Зигеля с чешскими учеными. Зигель владел чешским языком столь свободно, что писал на нем письма. Научную деятельность в области славянского права будущий варшавский профессор начал в Праге. “Прага была первым городом, где я много лет назад, под руководством славных чешских ученых познакомился с историей славянского права и с того времени чувствую себя привязанным к Чехии как к своей второй родине”, – писал он 15 января 1901 г. в адрес Чешского Королевского общества наук, избравшего его своим членом³⁴.

Представляют большой интерес связи Зигеля с чешским ученым Й. Калоусеком (1838–1915), профессором чешской истории Пражского чешского университета, членом Чешского Королевского общества наук и Чешской Академии наук и искусств, где он был секретарем историко-филологического отделения, а с 1911 г. – председателем Первого отделения. Калоусек был важной фигурой в чешском ученом мире. Наиболее крупным его сочинением стало “Чешское государственное право” (1871). Ему принадлежит большое число работ по древнему периоду чешской истории. Ученый разрабатывал также проблемы чешского крестьянства, а в 1880 г. опубликовал очерк “Царь Александр Освободитель”, где подчеркнул заслуги русского царя Александра II в деле ликвидации крепостного права. Ф.Ф. Зигель в корреспонденции обсуждал научные проблемы. По просьбе Й. Калоусека варшавский профессор написал статью “Ф. Палацкий как историк славянского права”, которая была напечатана на чешском и на русском языках³⁵.

Другим чешским ученым, с которым Зигель плодотворно и долго сотрудничал, был Я. Челаковский (1846–1914), сын знаменитого чешского поэта, филолога, деятеля чешского национального возрождения Ф.Л. Челаковского (1799–1852). В период контактов с Зигелем Я. Челаковский был профессором истории права на юридическом факультете Чешского университета в Праге, а также занимал должность архивариуса города Праги. Крупный ученый и политик в современной чешской историографии считается основателем чешской правовой истории и, главным образом, истории чешских городов. Результатом его архивных исследований стали публикации документов в “Codex iuris municipalis regni Bohemiae” в двух частях (1886, 1895) и “Povšechné

³⁴ Ústřední Archiv České Akademie Věd (UAČV), f. KČSN, č. 9/5, 1901.

³⁵ Зигель Ф.Ф. Палацкий как историк славянского права. – Журнал Министерства народного просвещения, 1898, № 7.

české dějiny právní” – вышли несколькими изданиями. В университете Я. Челаковский занимал ряд престижных должностей, в 1911 г. стал ректором Чешского университета. Научная деятельность Я. Челаковского высоко ценилась и за границами Чехии. Он был избран членом многих академий и научных обществ. Как основатель новой научной дисциплины в России, Зигель находился в трудном положении. Ему пришлось самостоятельно исследовать предмет и сосредоточиться на истории древнечешского и польского права. Поэтому он часто обращался к Я. Челаковскому с научными вопросами и обсуждал различные гипотезы. Правда, их взгляды часто не совпадали. Зигель определенно представлял в истории права позитивистское направление, тогда как Я. Челаковский, по характеристике современного нам исследователя его творчества, принадлежал к “поздневозрожденческой” историографии, но ценил профессиональные и методологические достижения позитивистской историографии, представленные Я. Голлом и его многочисленными учениками. Челаковский принадлежал к числу тех историков, которые весьма неохотно допускали в науке усиление позиций позитивистов³⁶. Зигелю нужно было получать для научной и педагогической работы источники и литературу. Во время командировок он поддерживал широкие контакты с чешскими специалистами для обмена литературой, идеями и результатами исследований. Варшавский профессор относился к трудам Я. Челаковского с большим уважением. Он поражался начитанностью чешского коллеги, писал сообщения и отзывы о его работах в разные русские журналы, снабжал его нужными книгами. И Челаковский отзывался о трудах Зигеля весьма позитивно. Оба они интересовались славянским вопросом. Чешский профессор, будучи также и активным политиком, исповедовал чешский национализм в том варианте, какой выражала партия младочехов. Что касается Зигеля, то он был больше озабочен состоянием славянского мира вообще, распространением знаний о нем, установлением “истины” в историческом развитии славянских народов. Себя Зигель считал славянином и патриотом России, но относился к этим факторам без фанатизма.

Теплые отношения сложились у Зигеля с чешским ученым К. Кадлецом (1865–1928), профессором славянского права в Чешском университете в Праге. Кадлец был представителем молодого поколения ученых. Он получил юридическое образование в Парижском университете, хорошо изучил славянские языки, в том числе и русский, и печатал переводы с них. С начала карьеры он занимался адвокатурой, но затем стал исследовать историю славянского права и постепенно превратился в крупнейшего представителя этого вопроса в науке о праве. В чешской энциклопедии он опубликовал очерк о русском праве, писал отзывы о работах русских ученых. Кадлец был членом и Генеральным секретарем Чешской Академии наук, а в 1925 г. его избрали членом-корреспондентом АН СССР. Сотрудничество Зигеля и Кадлеца, если судить по переписке, продолжалось с 1907 по 1912 г. В письмах обсуждались политические и научные вопросы. По многим, – из области славянского законодательства и древнеславянского быта, – чешский и русский ученые были единомышленниками. Они обменивались собственными сочинениями, информировали друг друга о новых изданиях. К. Кадлец организовывал переводы работ Зигеля на чешский язык.

Таким образом, связи варшавского профессора Ф.Ф. Зигеля с крупнейшими чешскими специалистами по истории славянского права во многом определили характер и успех его научной и педагогической деятельности. После Октябрьской революции эти контакты, видимо, прекратились. Подытоживая вопрос о связях Зигеля с чешской научной элитой, можно констатировать, что профессиональное существование столь уникального для России XIX в. специалиста, как варшавский профессор истории славянского права, в значительной мере зависело от общения с чешскими правоведами.

Особое место в русско-чешских научных связях исследуемого периода принадлежит В.А. Францеву (1867–1942)³⁷. Это был филолог, окончивший Варшавский уни-

³⁶ *Čelakovský J. Moje zápisky. 1871–1914. Praha, 2004, s. 22.*

³⁷ Библиографию трудов ученого см.: *Syllaba T. Op. cit.*

верситет в 1890 г. Всю свою жизнь он посвятил разысканию, изучению и публикации источников по истории славяноведения. Изданные им материалы составили источниковую базу для изучения истории славяноведения. На основании этих документов Францев писал свои работы, часть из них посвящена научным и другим связям славянских народов. Главное внимание он уделял изучению чешской умственной жизни и культуры. Кроме труда “Очерки по истории чешского возрождения” (Варшава, 1902) и издания “Писем Вячеславу Ганке из славянских земель” (Варшава, 1905), Францев осуществил публикацию второго тома корреспонденции Й. Добровского, два тома переписки П.И. Шафарика с русскими учеными (Прага, 1927–1928), а также большое число монографий, статей и очерков по разным вопросам чешской культуры. В.А. Францев был первым автором работ, посвященных чешско-русским научным и культурным связям в XVIII – первой половине XIX в. Разумеется, все эти труды требовали исключительных по своей сложности и кропотливости архивных изысканий как в Чехии и России, так и в других странах. Большинство работ Францева основано на источниках, найденных им самим. “Очерки” стали значительным явлением в славяноведческой литературе XX в.

Творчество В.А. Францева самым тесным образом связано с Чехией и интеллектуальной средой страны. Он знал чешский язык с гимназического возраста. Каждый год в течение 20 лет в летнее и зимнее вакационное время он уезжал в Чехию, где работал в архивах. Ученый досконально изучил славянскую литературу, фольклор, этнографию и создал на эти сюжеты большое число сочинений. В Чехии он находился в контакте почти со всеми учеными гуманитарного профиля, со многими дружил и сотрудничал, так что знакомые в Праге считали его “своим”. Он стал членом Чешского Королевского общества наук и Чешского Этнографического общества. В 1915 г. Российская Академия наук избрала его своим членом-корреспондентом, а в 1921 г. – действительным членом.

Этот год стал переломным в жизни ученого. Не приняв режима, установившегося в России после Октябрьской революции 1917 г., он эмигрировал в Чехословакию и принял чехословацкое гражданство. Его вычеркнули из списка российских академиков по причине “продолжительного отсутствия”, а его успехи в области изучения славяноведения были забыты на родине, по меньшей мере, на полстолетия.

Перечисленными примерами далеко не исчерпывается число лиц, приезжающих в Прагу для научных целей. Большинство из них направлялись за границу официально – Министерством народного просвещения, университетами и научными обществами. Однако интерес к чешскому народу, его культуре проявляли и частные лица – журналисты различных газет, сотрудники определенных учреждений, представители политических партий и течений, интересующиеся славянством. Так, в 1860 г. в Чехию прибыл П.А. Ровинский (1831–1916)³⁸, будущий крупный ученый-славист, представитель народнического движения в России. В Праге он познакомился с деятелями чешского возрождения, посещал лекции профессоров Пражского университета, изучал общественно-политическую жизнь, читал много литературы. Вместе со своим другом А.С. Троянским Ровинский посещал чешские деревни и присматривался к жизни крестьян, а затем предпринял продолжительное путешествие по Чехии вместе с магистром русской истории Н.П. Лыжиным, оказавшимся в то время в Праге. Путешественники шли пешком, заходили в деревни, интересовались бытом крестьян, их социальным положением и национальным настроением. Ровинский путешествовал одетый в костюм русского крестьянина, с котомкой за плечами, в которой была краюха хлеба и тетрадь для записей. Так народник путешествовал по России, и, видимо, хотел убедить, что он посланец русского трудового народа. Путешествие по Чехии было длительным, но, когда путешественники перешли из Чехии в Моравию, то здесь, в небольшой деревушке недалеко от Брно, были арестованы австрийской полицией, доставлены до границы и

³⁸ Литературу о П.А. Ровинском см.: *Лантева Л.П.* История славяноведения в России в конце XIX – первой трети XX в., с. 261–284.

высланы за пределы Австрии³⁹. Позднее Ровинский написал ряд сочинений по истории Чехии, где, в частности, осветил гуситское движение с народнических позиций⁴⁰.

Таким образом, Чехию посещал весьма разнообразный контингент людей, со своими политическими убеждениями и разным научным мировоззрением. Международная политическая ситуация и, в частности, такие события, как Крымская война, Польское восстание 1863–1864 гг., лицемерное поведение славянских деятелей и другие факторы приучили новое поколение отказаться от романтического отношения к славянам, которое наблюдалось у первого поколения русских славистов, и серьезно засомневаться в существовании так называемой славянской взаимности. Новое поколение смотрело на славян трезво. В то же время развитие науки о славянах и в Европе, и в России показывало, что многие “истины” прошлых десятилетий превратились в более или менее остроумные гипотезы, стали устаревать и уходить в историю. У молодого поколения русских славистов уже не было такого благоговейного отношения к чешским корифеям прошлого, которое испытывали первопроходцы русского славяноведения. У молодых были новые идеи и свои кумиры. Изменилось в Чехии и общее отношение к России. Некритическое русофильство первой половины XIX в. во второй половине сменилось столь же некритическим недоброжелательством. “Всеславянству” пришел на смену австрославизм с антироссийской направленностью. Впрочем, в личных контактах русских и чешских славистов, судя по переписке, никаких фобий не наблюдалось. Корреспонденты, как правило, если не были согласны в политических вопросах, просто обходили их стороной. Только единомышленники иногда обсуждали проблемы текущего дня. В целом же в Чехии к русским ученым проявлялось доброжелательство и стремление помочь коллегам. Здесь, в определенных кругах также был трезвый подход к русским, и наука ставилась выше политики.

Что касается чешской стороны научных контактов с Россией, то в них наблюдается большое отличие от того “нашествия” русских ученых в Чехию во второй половине XIX в. Россию чехи посещали с коммерческими или политическими целями. Чешские инженеры, техники, врачи, предприниматели работали в разных городах Российской империи. Некоторые из них основывали средние предприятия по текстильному производству, типографскому делу, по торговле книгами и задерживались в России на более долгий срок. Отработав положенное по контракту время и удовлетворив свои материальные интересы благодаря высокой оплате труда, большинство чехов возвращалось на родину. Такая практика работы в России нередко встречалась и среди лиц умственного труда и культуры. Например, чешский композитор З. Фибих в течение года преподавал музыку и пение в средних учебных заведениях г. Вильно. В 60-е годы XIX в. в России проходила реформа школьного образования, и для преподавания классических языков в гимназиях было приглашено много учителей из Чехии. Среди них встречались люди высокой квалификации. Так, А.В. Добиаш окончил Пражский университет и на стипендию российского правительства был направлен в Харьковский университет в качестве преподавателя классических языков. Вскоре он получил повышение и был переведен в город Нежин инспектором. Его дочь, О.А. Рождественская, стала основателем изучения и преподавания латинской палеографии в Петербургском университете и там же на Высших женских курсах. Впоследствии она воспитала целую школу палеографов латинской письменности⁴¹. Кроме того, в Западной и Южной России были чешские поселения, жители которых курсировали между новой и прежней родиной и сообщали сведения о России, публикуя свои впечатления в газетах.

³⁹ Ровда К.И. П.А. Ровинский в Чехии (по архивным материалам). – Духовная культура славянских народов. Литература. Фольклор. История. Сб. статей к IX международному съезду славистов. Л., 1983, с. 258.

⁴⁰ Оценку гуситского движения в Чехии П.А. Ровинским см.: *Лантева Л.П.* Русская историография гуситского движения..., с. 114–127; и др.

⁴¹ Ленинградская школа латинской палеографии. – *Киселева Л.И.* Письмо и книга в Западной Европе в средние века. СПб., 2003, с. 291–301.

С научными целями в Россию из Чехии приезжали единицы. Примером политического интереса к России стала поездка внушительной делегации чешской интеллигенции разных специальностей и партийной принадлежности на Этнографическую выставку в Москве в 1867 г. Инициатором этой выставки стало созданное в 1864 г. при Московском университете научное Общество Любителей Естествознания (ОЛЕ) с целью показать огромное разнообразие населения Российской империи, наглядно продемонстрировать неповторимую самобытность ее племен и народностей. При подготовке выставки по инициативе славистов был создан специальный Славянский отдел, члены которого вошли в контакт с национальными деятелями южных и западных славян, многие из них прислали в Россию этнографические материалы. Особенно постарались южные славяне – сербы, хорваты, черногорцы, словенцы. Чехи сначала восприняли приглашение участвовать в выставке скептически, и большинство из них ответили отказом русским устроителям выставки прислать костюмы и другие этнографические предметы, ссылаясь на бедность и их самих, и чешского населения. Выручил известный чешский ученый-этнограф, поэт и ученый К.Я. Эрбен, купивший за свой счет несколько пар этнографической одежды в районах Западной Чехии и приславший их в Москву. Выставка открылась в Московском Манеже 23 апреля 1867 г., а 8 мая в Петербург прибыли славянские гости. Это были ученые, политики, художники, писатели, промышленники и торговцы, представители городов и общин, общим числом 84 человека. Наиболее многочисленной была чешская делегация, включившая в свой состав мораван и словаков, а всего – 27 человек⁴². Руководители делегации Ф. Палацкий, Л. Ригер и другие решили использовать поездку в Россию в целях продемонстрировать свое оппозиционное отношение к факту создания в начале 1867 г. Австро-Венгерской монархии. Надежды тех, кто выступал с позиций австрославизма, то есть стремления получить хотя бы автономию для славян, – не оправдались. Западные славяне остались под властью Австрии, а словаки, хорваты и сербы – в составе Венгрии, угрожавшей полной мадьяризацией этим народам. Чешские вожди хотели получить поддержку России. О политических целях поездки чешской делегации орган партии младочехов газета “*Národní poviny*” писала: “Мы не намерены скрывать, что Московская выставка для нас, чехов, едущих туда не только ради филологии и этнографии, имеет значение действительно глубоко политическое. И это значение придали ей не мы, но те, кто объявил о дуализме Австрии, угрожая тем самым самостоятельности короны чешской и существованию самого чешского народа; те, кто на берегах Влтавы предал народ чешский, истинного защитника Чешского Королевства; те, кто в Моравии отеснил славянское население с политической арены, те, кто отдал словацкий народ на растерзание жестокому венгерскому элементу, те, наконец, кто на берегах Савы, забывая о необходимой благодарности, предали героический хорватский народ в жертву великодержавным притязаниям венгров: это они, скажем мы, превратили простую этнографическую выставку в славянский съезд с явно выраженным политическим направлением”⁴³. Далее в газете говорилось, что австрийским славянам нужна поддержка России для своего национального развития, которой она тщетно добивалась у себя дома. Это пафосное выступление младочешской газеты, редактор которой также был в составе делегации в Россию, можно прокомментировать в том смысле, что на этот раз русские высокопоставленные лица, включая и царя Александра II, любезно приняли часть членов делегации и ограничились “светской” беседой. Слишком большие противоречия были между русскими и чехами по польскому вопросу, дискуссия по которому разгорелась на приеме в Московском университете, устроенном 18 научными обществами при университете и его администрацией. Таким образом, политическая цель поездки чехов в Россию в 1867 г. очевидна. Это мероприятие в литературе называется “Славянским съездом”. Представляется, что название не совсем точно, так как

⁴² См. об этом: Россия и славянский мир на этнографической выставке 1867 г. СПб., 2009.

⁴³ Цит. по статье: Жакова Н.К. Славянские гости на этнографической выставке 1867 г. – Россия и славянский мир на этнографической выставке 1867 г., с. 14.

обсуждение положения славян проходило без заранее продуманной программы, а на приемах, раутах, в частных разговорах, при посещениях определенных лиц или ученых собраний. Политических результатов от этого “съезда” не было, каждая из сторон осталась при своем мнении. Однако были научные результаты. Выставка познакомила славянских гостей с многообразием населения России, в том числе и славянского ее населения, с высокой культурой страны и ее особенностями. Ученые члены чешской делегации укрепили свои связи с русскими деятелями по профессии и приобрели новых друзей. Будущий профессор Московского университета, тогда еще молодой магистр А.Л. Дювернуа, опубликовал в газетах биографии славянских гостей. В этих статьях он познакомил русского читателя с теми деятелями, которые были известны в своих землях, но в России об их существовании никто не знал. Сведения, которые привезли о России чешские участники “съезда”, стимулировали изучение в Чехии русского языка, русской культуры и литературы. Славянский съезд 1867 г. имел большое моральное значение для национального самосознания славян. Отклик на него в чешском обществе был огромным.

С научной целью чехи посещали Россию очень редко. Лишь единицы из них интересовались ее историей и наукой. На наш взгляд, это объясняется рядом причин. Чехи получали немецкое образование, начиная с гимназии. В университетах они усваивали теоретические и методологические основы немецкого историописания. Их внимание было сосредоточено на создании такой истории своего отечества, которая воспитывала бы национальное самосознание народа. Если в России славяноведение охватывало все славянство, то усилия чешских историков были направлены на разработку их отечественной истории. Лишь с созданием Чешского университета в Праге в 1882 г. возобладала идея Я. Голла, что изучение истории Чехии должно быть включено в общеевропейский исторический процесс, что историки не должны ограничиваться исследованием одной из провинций Австрийской монархии, как именовали немцы бывшее когда-то Чешское королевство. И только с конца XIX в. чешские специалисты стали проявлять интерес к России. Одной из важных причин невнимания к русской истории была разница между европейским (в том числе и чешским) пониманием термина “славяноведение”. В России славяноведение представляло собой комплексную дисциплину, изучающую все стороны материальной и духовной жизни всех славян. В центре исследования русскими специалистами были история, язык, литература, религия, право, этнография зарубежных славян.

Изучению истории славян мешала также разница в характере письменности. В России и у всех других православных славян письменность осуществлялась на кириллице, и литературным языком почти до петровских времен в России был язык церковнославянский. Этой письменностью и языком в Европе владели редкие специалисты (в основном лингвисты). Чешский историк не был профессионально подготовлен к чтению русских источников и литературы по истории средних веков и раннего нового времени. Да и современным русским языком владели лишь редкие специалисты. Таким образом, архивы и библиотеки России были просто недоступны для европейских исследователей по причине их неподготовленности к работе в них. Неосведомленность Европы в особенностях русской культуры, по-видимому, и создала стереотип относительно ее отсталости.

В конце XIX в. в Чехии проявил интерес к русской истории Я. Бидло (1868–1937), ученик основателя чешской позитивистской исторической школы Я. Голла (1846–1929). Бидло заинтересовался также и Польшей, и Голл выхлопотал ему стипендию в Краков и в Россию. В 1897/98 г. он был в Петербурге и Москве на стажировке. Был знаком с Н.И. Кареевым. В Москве он посещал лекции В.О. Ключевского, консультировался с П.Г. Виноградовым, П.А. Лавровым, М.К. Любавским. Свои наблюдения за академической жизнью в российских столицах Бидло опубликовал в “*Česky Časopis Historický*”. В одном из таких очерков он дал описание организации и порядок занятий на историко-филологических факультетах российских университетов, указал на характер специализации по историческим наукам, дал характеристику преподаватель-

ской манеры историков-профессоров – В.О. Ключевского и В.И. Герье. Особенно Бидло восхищался семинаром П.Г. Виноградова. В одном из сообщений чешский стажер говорил о результатах деятельности петербургских историков⁴⁴. Как вспоминал о нем историк А.В. Флоровский, русский эмигрант в Чехословакии, чешский ученый по-разному оценивал деятелей московской и петербургской академической среды в лице ее крупнейших представителей, например, Ключевского и Платонова. Ему больше импонировало изложение русской истории последним. Я. Бидло видел разницу и в бытовой стороне жизни двух русских столиц. “Петербургский уклад жизни был, видимо, ближе молодому чеху, хотя и тут его много поражало и изумляло. В частности, поражала его широкая русская общительность и компанейское начало, постоянное общение историков друг с другом, общение, требовавшее часто и дневных, и ночных часов для дружеской беседы вокруг чайного стола. Проф. Бидло изумляло, как при таком образе жизни можно было работать, и не понимал, когда же при таких условиях русские историки успевали, тем не менее, писать работу за работой, нисколько не отставая от своих более замкнутых и усидчивых коллег”⁴⁵. Интерес Бидло к русской истории не вылился в какой-либо синтетический труд о России. Он писал рецензии, сообщения, аннотации, юбилейные статьи и некрологи, то есть давал обстоятельную информацию о русской научной среде, преимущественно в “*Česky Časopis Historický*”⁴⁶. В 1907–1908 гг. он напечатал два выпуска “Истории России XIX века”. Но это, в сущности, была словарная статья, сделанная на основе литературы. Я. Бидло стал основателем изучения истории Восточной Европы в Чехии, а также и византиноведения.

Более активно сотрудничали с русскими учеными и учреждениями представители чешских ученых, занимавшихся славянским языкознанием, литературой, славянскими древностями. Среди филологов особое место занимает Й. Поливка (1858–1933). В России его звали Юрием Ивановичем⁴⁷. Знаменитый чешский славист, ученик профессора Пражского университета, известного лингвиста Я. Гебауэра, Поливка занимался широким аспектом славистики – лингвистическими вопросами, фольклористикой, диалектологией отдельных славянских народов и вопросами культуры. В 1889–1890 гг. он посетил Россию и установил широкие контакты с учеными Петербурга, особенно с А.Н. Пыпиным и А.Н. Веселовским, которые оказали влияние на его подходы к славянским проблемам в области славянской культуры. Поливка считается основателем сравнительной славянской фольклористики. Широкие профессиональные интересы предполагали тесное сотрудничество с центром европейского славистического исследования в конце XIX – начале XX в. – с Российской Академией наук, с ее Отделением русского языка и словесности, с большим числом академиков-славистов, профессоров-славистов и русистов российских университетов. Й. Поливка был также крупным организатором славистических и культурно-научных мероприятий. Он участвовал в научных съездах, редактировал славистические чешские и международные издания. Вся эта деятельность отразилась в переписке с русскими славистами в личном архиве ученого в LAPNP в Праге, а также в Петербургском филиале Архива РАН, в Киеве и других центрах российского славяноведения и в отдельных письмах славистов. Богатейший материал этой корреспонденции содержит много полезного для истории не только чешско-русских научных связей, но и славянской филологии в целом. К сожалению, это научное богатство далеко не изучено. Имеется публикация лишь отдельных писем⁴⁸.

⁴⁴ *Bidlo J.* O práci historické v Petrohradě. – *Česky Časopis Historický*, 1989, № 5, s. 100–101.

⁴⁵ *Флоровский А.* Памяти проф. Ярослава Бидло. – *Slavia. Časopis pro slovanskou filologii*, ročník XVI, sešit. 2–3. Praha, 1939, s. 449.

⁴⁶ *Vlček R.* Jaroslav Bidlo – k formování českého dějepisného diskursu o minulosti Ruska. – *Česko-ruské vztahy v 9. a 20. Století*. Praha, 2011, s. 313–330.

⁴⁷ О нем см.: *Азадовский М.К.* Памяти Ю.И. Полишки. – Труды института славяноведения Академии наук, т. II. Л., 1934, с. 377–382.

⁴⁸ Документы к истории славяноведения в России..., указатель.

Крупный исследователь, синтетик многих отраслей славистики Л. Нидерле (1865–1944)⁴⁹ в своем творчестве отразил состояние науки его времени в классической археологии, антропологии, этнографии, древней культуре и истории славян. Приобрел своими трудами европейскую известность и был крупным организатором научной работы в области славистики. Он был профессором доисторической археологии и этнологии Пражского университета, членом-корреспондентом РАН и ученых обществ в Москве, Одессе и Киеве. Некоторые его труды напечатаны на русском языке, например, “Славянские древности” в “Вестнике славянства” в 1896 г., “К славянской колонизации Малой Азии и Сирии в VII–X столетии” – в “Сборнике статей по славяноведению” (СПб., 1907), “Славянский мир. Географическая и статистическая картина современного славянства” (СПб., 1909). Он информировал о содержании археологических съездов в России, где лично участвовал. Л. Нидерле оставил большое эпистолярное наследие, в котором имеются письма и русским ученым. Для примера можно указать на переписку чешского ученого и киевского проф. Т.Д. Флоринского, которая велась до 1914 г.

Так, в одном из писем Нидерле писал Флоринскому, что, будучи в Киеве, он приобрел № 1–3 Известий археологического съезда, а теперь просит прислать ему полный комплект изданий, чтобы написать реферат о съезде в “Slovansky Rshhled”⁵⁰. В дальнейшем он сообщает о посылке Флоринскому “Вестника славянских древностей”, который он выпускал, и просит прислать ему “Летопись общества Нестора”, в свою очередь издававшуюся в Киеве⁵¹. Упоминается о том, что приедет на Киевский археологический съезд вместе с проф. Поливкой и сделает доклад на русском языке на тему о времени начала переселения славян на юг от Карпат⁵². В письме 1902 г. он сообщает, что собирается переименовать название “Вестника славянских древностей” в “Вестник славянской филологии”, чтобы не конкурировать с Петроградом, издававшим такой же сборник⁵³.

И далее в письмах Нидерле Т.Д. Флоринскому речь идет о тех же сюжетах. Чешский ученый извещал о рецензиях на русские работы, написанные им самим или другими; высказывал о последних свое мнение. Интенсивные научные связи имел Нидерле с ОРЯС РАН. Они касались прежде всего субсидий, которые Отделение предоставляло для издания журнала “Вестник славянских древностей”⁵⁴. “Вестник” выходил в 1898–1900 гг. В текстах ходатайства его редактора, Л. Нидерле, указывается, что ежегодно его журнал получал от ОРЯС РАН по 300 рублей.

В переписке с ОРЯС и с академиками – А.И. Соболевским и А.А. Шахматовым содержатся сведения о присуждении русским академикам званий членов Чешской академии наук и искусств, а также почетных докторов Пражского университета⁵⁵. Эти сведения показывают, что контакты Чешской и Российской академий в конце XIX – начале XX в. были очень активным и полезным для развития европейского славяноведения.

В целом членами Чешского Королевского общества наук с 1850 по 1945 г. были 34 русских ученых гуманитарного профиля, а Чешской академии наук и искусств за

⁴⁹ О нем см.: *Королук В.Д.* К поездке Любора Нидерле в Россию в 1893 г. (неопубликованное письмо Л. Нидерле А.К. Жизневскому). – Славянский архив. М., 1963; *Československé práce o jazyce, dějinách a kultuře národů od r. 1760. Biograficko-bibliografický slovník.* Praha, 1972, s. 336–341; *Петрухин В.Я.* Любор Нидерле. К 150-летию со дня рождения. – Славяноведение, 2015, № 2, с. 94–95. Письма Л. Нидерле к русским ученым см.: *Документы к истории славяноведения в России (1850–1912).*

⁵⁰ Институт рукописей Центральной научной библиотеки имени В.И. Вернадского НАН Украины (ИРЦНБ НАНУ), ф. III (Т.Д. Флоринский), № 20 571. Л. Нидерле Т.Д. Флоринскому. Не датировано.

⁵¹ Там же, № 20 572. Л. Нидерле Т.Д. Флоринскому 18 сентября 1898 г.

⁵² Там же, № 20 574. Л. Нидерле Т.Д. Флоринскому 18 июля 1899 г.

⁵³ Там же, № 20 575. Л. Нидерле Т.Д. Флоринскому 24 ноября 1902 г.

⁵⁴ *Документы к истории славяноведения в России (1850–1912)*, с. 196–197, 206.

⁵⁵ Там же, с. 270, 275.

1892–1945 г. – 29⁵⁶. В свою очередь русские университеты присваивали звания почетных членов чешским ученым. Так, в 1898 г. почетное звание доктора всеобщей истории Петербургского университета было присвоено В. Томеку, Я. Челаковскому и А. Резеку⁵⁷.

Изложенный материал показывает, что русско-чешские научные связи в период второй половины XIX – начала XX в. имели ряд специфических черт. В первой половине XIX в. чешские ученые позиционировали себя учителями начинающих русских славистов. Признавая справедливость такой оценки, необходимо отметить, что русское славяноведение как комплексная дисциплина, изучающая все стороны духовной и материальной жизни славянства, обогнало в своем развитии славяноведение чешское, задержавшееся на узком понимании этой науки, как предмета изучения только славянских языков и филологии – т.е. осталось на уровне славистики, характерном для первой половины XIX в. Между тем признание славяноведения комплексной дисциплиной получило уже европейское распространение, о чем свидетельствует, в частности, Предварительный съезд российских филологов в Санкт-Петербурге в 1903 г. Хотя основу участников съезда составляли русские слависты всех специальностей, на форуме присутствовали ученые представители зарубежных славян, а также неславянских народов. Съезд 1903 г. на своих заседаниях не только обсудил современное состояние славяноведения, но и выработал программу дальнейшего его развития в форме издания так называемой “Славянской энциклопедии”, которая представляла бы собой комплекс монографических исследований по славянскому языкознанию, литературе, филологии, истории, истории церкви, истории славянского права, истории славяноведения, истории культуры и т. д. Таким образом, международные участники форума не ограничивались только языкознанием и филологией, а признавали актуальной задачей изучать славянство всесторонне. К сожалению, политические события в России, а потом Первая мировая война помешали осуществить эти планы, и в свет вышло лишь около десятка исследований в серии “Славянской энциклопедии”. Среди них работа Любора Нидерле “Обозрение современного славянства” (СПб., 1909). Ранее это сочинение вышло на чешском языке в Праге⁵⁸.

В Чехии, на наш взгляд, сравнительно поздно пришли к пониманию этого явления. Поэтому лишь к концу XIX в. появились отдельные ученые, интересы которых выходили за рамки исследования истории своего отечества или языка и литературы. Упомянутые Я. Бидло, Й. Поливка, Л. Нидерле были основателями изучения разных разделов славяноведения, а это значит, что не имели предшественников в своей стране ранее конца XIX в., так как их собственное творчество падает в основном на XX в.

Следует также отметить, что к началу XX в. Прага уступает свое первенство как центр славистических исследований, который перемещается в Вену, а также важное значение приобретает Петербургское Отделение русского языка и словесности РАН.

Изложенные соображения могут иметь какую-то почву для объяснения малого интереса к российской науке, однако главная причина заключалась не в этом. В письме к академику А.А. Шахматову Й. Поливка писал: “Славистикой [в Чехии. – Л.Л.] интересуется меньшинство не только академий, но даже их отделений. В нашей академии только отчасти ею интересуется третье отделение, и можно исключить еще большинство узких специалистов – “богемистов”, для которых знакомство западных, особенно немецкой литературы, гораздо важнее, чем других славянских. В первом отделении только некоторые интересуются славянством... Наши ученые под таким сильным влиянием западной, точнее говоря, немецкой науки и вообще немецкой душевной жизни, что не могли бы существовать вне ее. Они совсем не интересуются наукой других

⁵⁶ Dokumenty k dějinám narodů SSSR a k dějinám česko-ruske a československé-sovetské vědecke spolupráce do roku 1945 uložene v ústřednem archívu československé akademie věd. Praha, 1979 (машинопись составили: J. Beran, M. Haasova, J. Levora, O. Paulova, A. Šlechtova, M. Nemíčka (фотопринт).

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Документы к истории славяноведения в России (1850–1912), с. 274.

славянских народов. К этому приступает [добавляется. – Л.Л.] оппортунизм, страх перед высшими властями”⁵⁹.

В то же время, когда русские исследователи чешской истории, языка, литературы и т. д. посещали Прагу с ученой целью, то встречали самое дружелюбное отношение чешских коллег независимо от политических взглядов. Чешские ученые оказывали русским помощь в разыскании источников и литературы, делились результатами своих исследований. В Праге существовала живая научная традиция и атмосфера благожелательного сотрудничества. Накопленные богатства архивов и библиотек были доступны русским ученым, которые всегда могли пользоваться консультациями чешских коллег. Изучение духовной жизни чешского народа русскими учеными, распространение сведений о чехах льстило их национальному самолюбию, нередко попираемому немцами.

В отношениях чешских и русских представителей науки большую роль играл обмен литературой. При этом поток книг шел с запада на восток. Русские ученые могли доставлять чехам лишь собственные труды, при этом в весьма скромном размере. В России во второй половине XIX – начале XX в. создавались новые университеты, открывались высшие женские курсы, учреждались институты для подготовки учителей, расширялось число гимназий и лицеев. Все эти учреждения требовали пособий для обучения и подготовки кадров. В университетах существовали кафедры по славяноведению, и на профессоре этой кафедры лежала моральная обязанность обеспечить учебный процесс по предмету соответствующей литературой.

Командированные за границу слависты получали поручение от университетов, по возможности, пополнять библиотеки нужной литературой. За сравнительно короткое пребывание в Праге, занятые научной работой, русские ученые не имели возможности удовлетворить возложенные на них поручения и обращались к чешским ученым за помощью. Редкие письма русских славистов не содержали целые списки литературы по разным специальностям. Как правило, чехи удовлетворяли эти просьбы не без удовольствия, а главное – не без пользы для себя. При отсутствии регулярного книжного обмена между Россией и Западом государственные закупки были редкостью. Конечно, существовал обмен литературой между академиями, университетами, научными обществами. Но этот обмен не мог удовлетворить все потребности, и литературу по специальности, как правило, приобретали частные лица за собственный счет. Книги стоили дорого, пересылка из-за границы требовала еще больших расходов, так что на формирование библиотеки по специальности иногда требовалось целое состояние ученого. Чехи снабжали русских ученых литературой не бесплатно. В письмах имеются денежные счета на весьма внушительные суммы. Денег русские ученые не жалели, а чешские не жалели сил для удовлетворения духовных потребностей своих коллег из России и умели использовать их щедрость.

В заключение следует констатировать, что русско-чешские научные связи в первой половине XIX в. способствовали становлению славяноведения в России. Труды И. Добровского, И. Юнгманна, П.И. Шафарика, Ф. Палацкокого являлись основой для преподавания славистических дисциплин в университетах и влияли на разработку славянской истории, литературы, языкознания русскими славистами. Господствовавшая в первой половине XIX в. романтическая теория всеславянства и славянской взаимности при всей ее эфемерности способствовала культурному объединению славян и созданию в Чехии центра славянских исследований – Праги. Во второй половине XIX в. русское славяноведение стало развиваться как комплексная наука о славянах, освободилась от зависимости романтического подхода к славянам в работах чешских корифеев и стала самостоятельной. Чешское славяноведение, напротив, сосредоточилось на “богемистике”, не проявляло интереса к другим славянам и все теснее интегрировалось в немецкую науку, составив в ней яркую страницу в изучении истории, языка, литературы одной из развитых провинций Австрийской империи. Научный и организационный центр европейского славяноведения переместился в Академию наук в Петербурге.

⁵⁹ Там же, с. 335.